

оригинальная статья

Проявление культурно-исторических типов в институтах наследования: сравнительно-правовой анализ

Паничкин Вячеслав Борисович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

panslavic@mail.ru

Поступила в редакцию 26.11.2022. Принята после рецензирования 18.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Наследование как наиболее консервативная подотрасль гражданского права отражает культурно-исторический тип соответствующего общества и слабо поддается корректировке и новеллизации, содержит большой блок архаичных норм, выражающих давно не существующие общественные отношения, и крайне неохотно избавляется от тех правовых анахронизмов, ригоризм которых наиболее ярко отражает цивилизационную сущность соответствующего народа. На примере наследования показана правильность цивилизационного подхода как основы учения Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах к классификации правовых систем. Проведя сравнение российского наследственного права с наиболее отличным от него с цивилизационной точки зрения англо-американским правом, автор доказал следование своему культурно-историческому типу через сохранение давно отживших себя и утративших социальную актуальность архаичных институтов, существование которых, однако, позволяет формально следовать моральному идеалу. Одновременно сделан вывод, что в системе общего права ряд правовых анахронизмов сохранялся столь долго, что, пережив свое время, неожиданно обрел новый смысл в полностью изменившихся обстоятельствах.

Ключевые слова: наследование, сравнительное право, цивилизационный подход, правовые традиции, правовой архаизм

Цитирование: Паничкин В. Б. Проявление культурно-исторических типов в институтах наследования: сравнительно-правовой анализ. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 119–124. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-119-124>

full article

Culture, History, and Inheritance Law: a Comparative Legal Analysis

Vyacheslav B. Panichkin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

panslavic@mail.ru

Received 26 Nov 2022. Accepted after peer review 18 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Annotation: Inheritance is the most conservative sub-branch of civil law. As a result, it reflects the cultural and historical type of the society and is very conservative. In fact, it contains a lot of archaic norms that express out-of-date social relations. However, inheritance law is extremely reluctant to get rid of these legal anachronisms, probably, because their rigorism reflects the national identity of the people. The present research used the civilizational classification of legal systems developed by N. Ya. Danilevsky and applied it to the inheritance law as the most conservative sub-branch of civil law. After comparing Russian and Anglo-American inheritance laws, the author proved that each state adheres to its cultural and historical type by preserving some archaic institutions. These institutions lost their social relevance long ago but survived as a formal reflection of a once-relevant rigorous moral code. Some legal anachronisms persisted for so long that, having outlived their time, they suddenly acquired a new meaning in completely new circumstances.

Keywords: inheritance, comparative law, civilizational approach, legal traditions, legal archaism

Citation: Panichkin V. B. Culture, History, and Inheritance Law: a Comparative Legal Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 119–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-119-124>

Введение. Цивилизационный подход Н. Я. Данилевского и классификация правовых систем

Позиция Н. Я. Данилевского о предпочтительности цивилизационного подхода к классификации государств перед формационным и о культурно-исторических типах крупных общностей – цивилизациях [1] (между прочим, против-

поставленная идея его современника К. Д. Кавелина о том, что дальнейший ход истории и внутреннего развития есть тайна для нас самих [2, с. 170]), имеет свое логическое продолжение и в объединении правовых систем отдельных

стран в семьи. «Общее самообладание и общие интересы создают государство», – писал в конце XIX в. немецкий историк Ф. Ратцель [3, с. 140]. Соответственно не исключается и общность такого «самообладания» и тем более общих интересов и у более широких групп, нежели государствообразующие этносы.

Однако по ряду исторически обусловленных причин состав и границы правовых семей – как географические, так и временные – не вполне совпадают с цивилизационными. А по мнению Н. Я. Данилевского, стадии цивилизации в своем развитии сумели достичь десять культурно-исторических типов: египетский; китайский; ассиро-вавилонно-финикийский, халдейский, или древнесемитический; индийский; иранский; еврейский; греческий; римский; новосемитический, или арабийский; романо-германский, или европейский. Так, выделенная Н. Я. Данилевским европейская цивилизация и сконструированная им как возникающая российская цивилизация относятся к одной семье рецепированного римского права, в котором выделены две подсистемы: институционального (собственно романского) и пандектного (германского) права [4, с. 417; 5, с. 26–28]. Кстати, выдающийся компаративист и историк права Гарольд Дж. Берман и в начале 1980-х гг. ничуть не сомневался, что Россия и ее право принадлежит к западной цивилизации [6, с. 20, 26]. Одновременно с этим причисленная к европейской цивилизации Англия и связанные с нею происхождением страны отделены от Европы не только морями, но и стеной общего права, которое черпает себя из римского процессуального, но ни в коем случае не из римского материального права [7], и отрицает дихотомию *публичное и частное право* в пользу монизма права публичного.

Россию и страны с советским прошлым при всем своеобразии законодательства нельзя выводить за пределы семьи романо-германского права. Отдельные попытки сформулировать наличие некой славянской правовой семьи выражаются лишь в старании представить совокупность особенностей, присущих советскому праву, как некую стройную систему (впрочем, на существовании славянской правовой семьи настаивал еще русский дореволюционный государствовед и теоретик права Николай Михайлович Коркунов [8]. Однако же по факту она и при советской власти являлась не чем иным, как усеченной на объем частного права вариацией романо-германской системы. Один из идейных последователей Н. Я. Данилевского В. С. Соловьев указывал: «Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное» [9, с. 103].

Несовпадение или неполное совпадение карты правовых систем и карты цивилизаций, однако же, не только не порочит учение Н. Я. Данилевского, но наоборот, подтверждает его. А именно доказывает истинность одного из тезисов этого философа – о неправильности классификации государств и народов по формациям, частям света, континентам и географическим странам – ввиду того,

что действительно точной является лишь их разделение по культурно-историческим типам, которое в свою очередь не обязательно связано с географическим соседством или пространственным единством.

При этом справедливости ради надо указать, что право дает и убедительные примеры как отсутствия чисто географической связи, так и волевого правового перехода на «чужие рельсы»: Германское гражданское уложение как кодифицированное выражение всей пандектистики принята ряд стран т. н. дальневосточного права: Китай и Япония, а также Турция, а институциональный визави ГГУ – Кодекс Наполеона – многие страны Ближнего Востока и Африки.

Отражение цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского в наследственном праве

Вместе с тем наиболее полно культурно-историческая типизация права, повторяющая логику цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского, проявляется в самой, пожалуй, консервативной подотрасли частного права – наследственном праве, которое менее всех остальных терпимо к сиюминутной прихоти законодателя, но зато зиждется на медленно эволюционирующих категориях: брачно-семейном укладе, менталитете народа и его представлениях о справедливом и должном, а посему обладает большим запасом своего рода «инерции покоя», которая проявляется в продолжающемся правовом консерватизме и моральном ригоризме даже на фоне давно происшедших и неумолимо идущих дальше изменениях социума.

Еще свыше полувека назад А. А. Рубанов верно отмечал, что единство буржуазного наследственного права в социальном отношении не исключает того, что в различных странах оно имеет свои особенности, нередко весьма существенные, и отражает как соотношение классовых сил, влияние различных слоев буржуазии внутри господствующего класса, так и строй семейных отношений, исторические традиции, религиозные воззрения, «оно консервативно и содержит немало феодальных пережитков и антидемократических начал» [10, с. 519]. На это также указывал А. А. Лунц [11, с. 689], а много позже Г. Ю. Федосеева [12, с. 20], Г. К. Дмитриева [13, с. 237] и О. Ю. Шилохвост: «Отсутствие полноценной международной унификации наследственного права объясняется, прежде всего, консерватизмом наследственных отношений, основанных преимущественно на нравственных представлениях, семейных устоях и национальных традициях, существенно различающихся в разных странах, и с трудом поддающихся не только унификации, но и простой корректурке» [14, с. 571–572]. Наконец, вслед за К. Цвайгертом и Х. Кётцем, «не будем делать тайны из того, что запутанность английской системы, при всем очаровании юридических древностей, в зародыше убивает всякое желание подражать ей» [15, с. 55].

Парадокс пролонгированного постулирования законом давно отмерших и не существующих уже, а порой даже никогда реально не существовавших отношений

как правового идеала, привязка регулирования к некоему нравственному эталону – отнюдь не случайная особенность отдельных юрисдикций, а применительно к наследственному праву – типичное явление для множества стран, причем относящихся к самым разным правовым семьям. И кричащее несоответствие типичной и актуальной социальной картины нормативному материалу, призванному регулировать соответствующие отношения, наиболее очевидно в отраслях, связанных с «долгоиграющими» социальными институтами: браком, семьей и наследованием.

На наш взгляд, это объясняется тем, что общество, выбирая между актуальностью и злободневностью права, с одной стороны, и его неизменностью и стабильностью, с другой, относит одни отрасли и подотрасли к авангарду и соответственно не щадит их и безжалостно «улучшает», а другим отводит роль своеобразного арьергарда и готово ради порой призрачной веры в стабильность мириться с их явным отставанием от времени вплоть до анахронизма норм и их конфликта с действительностью.

В качестве примеров первого подхода приведем Налоговый кодекс России, который с момента своего принятия 31 июля 1998 г., т. е. за неполные четверть века, успел претерпеть 163 (!) редакции и 5 изменений, причем некоторые из них действовали... сутки. Или Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, который за 20 лет существования претерпел 127 (!) редакций и 9 изменений. Случаи воистину «клинические», поскольку при всем динамизме социально-экономических изменений в России за эти годы совершенно невозможно говорить, что объективная реальность успела поменяться 168 или хотя бы 136 раз.

Убедительным же примером второго подхода является, как было отмечено, наследование – 31 октября 1922 г. объективному наследственному укладу России исполнилось ровно сто лет. Начиная с восстановившего отменное в 1918 г. наследование ГК РСФСР 1922 г., оно, пройдя через реформирование 1945 г. и рекодификацию 1964 г., завершило свою эволюцию третьей частью ГК РФ 2001 г. и, по мнению ряда авторитетных цивилистов (например, В. А. Белова [16, с. 10], Р. С. Бевзенко, Е. Ю. Петрова [17]), теперь нуждается не в новеллизации типа внедрения в ГК РФ Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ совместного завещания, наследственного договора и наследственного фонда, а в сплошной рекодификации. Тем не менее, как мы видим, стабильность наследственного закона на несколько порядков выше, чем наиболее «подвижных» нормативных актов.

Несомненна связь российского наследственного права с советским культурно-историческим типом при полном отсутствии каких-либо попыток реставрации досоветских институтов (любые совпадения с ним носят случайный, а не системный характер). Убедительных примеров несостоятельности нынешнего наследственного закона, а его производности от обоих предыдущих советских кодексов по крайней мере два.

Во-первых, это чрезмерная раздутость I очереди наследников (в отличие от узости и односложности состава каждого разряда, скажем, в странах общего права): непростая эволюция советского наследственного права свела в одну – первую – очередь массу родственников: супруга, детей с их представляющими потомками, родителей и иждивенцев. Полагаем это последствием существования в 1922–1945 гг. единой (и единственной) очереди наследников, которая в ходе реформирования наследования в 1945 г. была преобразована в первую из трех очередей, но полностью сохранила при этом свой состав, а позже продолжила сохранять его в первоначальной редакции при расширении в 2001 г. числа очередей до восьми.

Во-вторых, это сохранение такой категории наследников, как иждивенцы, которые являются эндемиками нашего права. Придание им статуса наследников в России в 1922 г. в условиях, совершенно отличных от правопорядка других стран (наследование как непубличный суррогат соц-обеспечения, ограничение наследства суммой в 10 тыс. руб., предельная узость круга наследников по закону при запрете завещать иным лицам), ныне явно неуместно и представляет помеху принципам свободы завещания, кровного родства как основного признака наследственной связи и семейного родства как дополнительного, создает неопределенность в персональном составе наследников и провоцирует субъективно-оценочный подход к его определению. Наконец, оно приводит к коренному отличию нашего порядка наследования от такового в праве других стран романо-германской системы.

При этом российское наследственное право, которому мы смело даем век, относительно молодо. Крайним и даже экстремальным вариантом злостного (но совершенно сознательного) анахронизма является восстановление Гражданского уложения Латвийской Республики 1937 г., причем в части наследственного и вещного права – в нетронутом виде. И дело даже не в том, что этому акту уже 85 лет (ФГК и ГГУ гораздо старше – 1807 и 1899 годов соответственно), а в том, что латвийский закон безнадежно устарел уже к моменту своего принятия в 1937 г., поскольку был результатом восприятия Гражданского уложения остзейских губерний 1845 / 1864 гг. [18, с. 90], но и оно в свою очередь было консолидированным актом действовавших еще с допетровских времен норм немецкого обычного права [19, с. 100]. Политическая воля к избавлению от любых проявлений «советскости» и «российскости» привела к реставрации почти средневекового законодательства, которое отражает нравы остзейских немцев XVII в.

Однако и советское право, казалось бы, демонстративно и полностью порвавшее с прежними порядками, тем не менее в области семейного и наследственного права сохраняло архаику вплоть до перехода советского общества от преимущественно сельского типа к городскому, т. е. до середины 1960-х гг., когда были заменены новыми гражданский и семейный кодексы 1920-х гг. К примеру, закон продолжал регулировать отношения с приймаками, приемышами

и приживалами [20, с. 31; 21, с. 15], тогда как даже в словарях русского языка им присваивался термин *архаизм*, а полнота взаимных прав усыновленных и усыновителей с полным разрывом правовой связи с прежней семьей была установлена лишь в 1968 г. (лишь на два года позже того, как это произошло в системе англо-американского права) [22, с. 149].

Размещение же переживших родителей в одной очереди наследников с супругом и детьми – давно забытый законодательством большинства стран реликт уклада многопоколенных семей в главе с большаком-патерфамилиасом, который исчез уже более века назад.

Противоположный нам культурно-исторический тип – англо-американский. И именно наследственное право США остается самым надежным среди всех частей права хранилищем юридических древностей, воспринятых от английского права, в том числе и тех, от которых отказалась сама Англия. К их числу относятся такие анахронизмы, как дуализм наследования, субъектная и объектная партикулярность, энтейл, наследственный аванс, хотчпот, наследственное неравноправие родных и неполнородных боковых родственников, предопределение судьбы части наследственного имущества его происхождением, довер и кёртеси и т. д. [23, с. 20].

Среди архаизмов наследования в странах англо-американского мира можно выделить сохранение *субъектной партикулярности наследования* – интерперсональности, влекущей лишение или ограничение пассивной наследственной правоспособности, пусть этот архаизм в США имеет крайне узкое применение: в виде расовой дискриминации наследников-неаборигенов – запрете им наследовать имущество в резервациях. Сохраняется и другой архаизм – *объектная партикулярность наследования*. Во-первых, в виде дуализма наследования – установления для частей одного наследства разных порядков наследования: в ряде штатов США она выражена в дуализме наследования реального и персонального имущества (в России она выражалась в дуализме перехода родового и благоприобретенного имущества до 1917 г., имущества в целом и предметов обычной домашней обстановки и обихода в 1922–2001 гг. и выморочной недвижимости и остального выморочного имущества по ст. 1151 ГК с 2008 / 2013 гг.). Во-вторых, сохранение отвергнутого многими правопорядками (прежде всего в странах пандектной традиции, а недавно и почти всеми европейскими странами институциональной традиции) дуализма наследования имущества в зависимости от его вида – применение к наследованию недвижимости права ее места нахождения – цитуса, а к наследованию движимого имущества – права последнего места жительства наследодателя – домициля.

Продолжают существовать отсутствующие в нашем праве самобытные институты: *энтейл* – ограниченная собственность без права распоряжения ею при жизни, нацеленная на последующую передачу строго старшему в роду сыну; *наследственный аванс* – прижизненные подарки законным наследникам, которые засчитываются в счет причитающейся им доли [24, с. 581–582], а также связанный с ним институт *хотчпота* – *расширенного наследства*, в состав

которого включается как наличествующее на день смерти наследодателя имущество, так и все сделанные им при жизни подарки (излишние наследственные авансы приводят к уменьшению доли одаренного при разделе наследства, но никогда – к возврату им части полученного).

Вместе с тем все эти институты в начале XX в. имели весьма схожие аналоги в нашем праве: *родовое имущество* (в отличие от благоприобретенного), *приданое* дочери как своеобразная прижизненная замена наследства (между прочим, жених, соглашавшийся взять девицу без приданого, считался отнюдь не благородным бессребреником, а наоборот – безнравственным трусом, отказавшим своей невесте в защите ее имущественных прав). Вполне возможен и возврат этих институтов в наш закон в свете идущей среди российских цивилистов дискуссии о необходимости учета при определении наследственных долей не только открывшегося наличного наследства, но и прижизненных передач имущества в пользу наследников.

Важный архаизм – отсутствие в Великобритании и 11 штатах США наследственного равноправия родных и неполнородных боковых родственников. Причем в английском и американском праве ущемление прав неполнородных происходит двумя разными методами: в английском праве они вообще не наследуют вместе, а относятся к специально выделенным для них последующим классам: если полнородные братья и сестры составляют собой III класс, то неполнородные – IV класс, если полнородные дяди и тети относятся к VI классу, то неполнородные – к VII. В праве же 11 штатов США права неполнородных братьев и сестер умаляются тем, что они получают не полные, а половинные доли от тех, что причитаются полнородным.

Архаично и предопределение судьбы части наследственного имущества его происхождением, что, очевидно, вызвано хорошо развитыми теориями отслеживания (*tracing*), установления права на найденное имущество (*following*) и суброгации прав. По меньшей мере четыре штата (Кентукки, Калифорния, Мичиган и Оклахома) по сей день сохраняют такой английский реликт, давно утраченный в самой Англии, как наследование *имущества предков* (*ancestral property*) – особый порядок наследования недвижимости, когда-то полученной от родителя в дар или по наследству. А именно при отсутствии у наследодателя потомства такое имущество наследует этот родитель-даритель (если он пережил наследодателя) или его собственные законные наследники, но ни в коем случае не внеочередной наследник – супруг [10, с. 538].

Калифорния дает еще три примера предопределенности судьбы наследства его происхождением. Во-первых, это наследование такого имущества, которое, находясь прежде в составе общей или квазиобщей совместной собственности супругов, принадлежало ранее умершему супругу. Во-вторых, наследование бывшей личной собственности ранее умершего супруга, перешедшей в свое время к позже умершему. Эти нормы позволяют получить такое имущество личным потомкам ранее умершего супруга (например, от другого

брака), родителям или боковым родственникам ранее умершего супруга. И в-третьих, наследование за не состоявшим в браке несовершеннолетним: все имущество, полученное им по наследству от родителя, переходит по наследству другим детям родителя с правом представления.

В ряде юрисдикций английского мира применяется средневековый принцип раскола наследства (*split*) за пределами III разряда – его раздел на две равные половины, следуемые в отцовскую и материнскую линии. При этом, во-первых, всю половину наследует *следующий в роду* (*next in kin*) без права представления либо несколько таких лиц, находящихся в одинаковой степени родства с наследодателем. Во-вторых, при полном отсутствии в одной из линий переживших родственников IV разряда (деды и бабушки) и V разряда (дяди и тети) все наследство не выморачивается, а отходит к родственникам по другой линии.

Уникальный порядок в Илинойсе – «перенос» раскола наследства еще на одно поколение назад, если в обеих линиях, следующих от дедов и бабушек, не нашлось ни одного наследника: половину имущества наследуют прадед и прабабушка по материнской линии в лице их потомства, а другую половину в том же порядке – потомки прадеда и прабабушки по отцовской линии (все с тем же отходом к родственникам по другой линии при отсутствии родственников по данной линии).

Ряд штатов на столь длительный срок «дотянули» некоторые архаичные английские институты, что в конечном счете они пригодились в совершенно новых социальных условиях, когда их старая форма наполнилась новым неожиданным содержанием (к примеру, не требующий никаких формальностей *брак по общему праву*; близкое нашим дореволюционным институтам приживалок и приемышей *усыновление по эстоппелю*, порождающее семейные, имущественные и наследственные права; учет ранее выделенного приданого дочери при расчете ее законной доли в наследстве родителей).

Литература / References

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Юрайт, 2020. 453 с. [Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Iurait, 2020, 453. (In Russ.)] EDN: KJMJXE
2. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 653 с. [Kavelin K. D. *Our mental structure: articles on the philosophy of Russian history and culture*. Moscow: Pravda, 1989, 653. (In Russ.)]
3. Ратцель Ф. Народоведение. СПб.: Просвещение, 1903. Т. 1. 764 с. [Ratzel F. *Ethnology*. St. Petersburg: Prosveshchenie, 1903, vol. 1, 764. (In Russ.)]
4. Марченко М. Н. Источники права. М.: Проспект, 2006. 759 с. [Marchenko M. N. *Sources of law*. Moscow: Prospekt, 2006, 759. (In Russ.)] EDN: QWNLCP
5. Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира. М.: Юрид. лит., 1993. 254 с. [Reshetnikov F. M. *Legal systems of the countries of the world*. Moscow: Iurid. lit., 1993, 254. (In Russ.)]
6. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: МГУ; Инфра-М-Норма, 1998. 622 с. [Berman H. J. *Law and revolution: the formation of the Western legal tradition*. 2nd ed. Moscow: MSU; Infra-M-Norma, 1998, 622. (In Russ.)]
7. Edey K. J. *The English legal system*. L.: Sweet & Maxwell, 1987, 215.
8. Коркунов Н. М. История философии права. 7-е изд., испр., репр. М.: URSS, 2010. 431 с. [Korkunov N. M. *History of philosophy of law*. 7th ed. Moscow: URSS, 2010, 431. (In Russ.)] EDN: PANXEI
9. Соловьев В. С. Собрание сочинений. Брюссель, 1966. Т. 5. 484 с. [Soloviov V. S. *Soloviov V. S. Collected Works*. Brussels, 1966, vol. 5, 484. (In Russ.)]

Заключение

Доказано, что традиционно самая стабильная подотрасль права – наследование – по-прежнему в наибольшей степени, чем «подвижные» отрасли, отражает культурно-исторический тип соответствующего общества и слабо поддается корректировке и новеллизации, содержит большой блок архаичных норм, выражающих давно не существующие общественные отношения, и крайне неохотно избавляется от тех правовых анахронизмов, ригоризм которых наиболее ярко отражает цивилизационную сущность соответствующего народа. Вместе с тем такая принудительная пролонгация институтов и норм, давно переставших отражать жизненные реалии, может вдохнуть в них жизнь, придать архаизмам новый смысл, как раз отражающий социальные изменения, что придает устаревшей правовой форме новое содержание.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

10. Рубанов А. А. Наследственное право. Гражданское и торговое право капиталистических государств, отв. ред. К. К. Яичков. М.: Междунар. отношения, 1966. [Rubanov A. A. Inheritance law. *Civil and commercial law of capitalist states*, ed. Iaichkov K. K. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1966. (In Russ.)]
11. Лунц Л. А. Курс международного частного права. М.: СПАРК, 2002. 1007 с. [Lunts L. A. *Course of private international law*. Moscow: SPARK, 2002, 1007. (In Russ.)] EDN: VUGGTH
12. Федосеева Г. Ю. Международное частное право. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2005. 427 с. [Fedoseeva G. Yu. *International private law*. 4th ed. Moscow: Eksmo, 2005, 427. (In Russ.)]
13. Дмитриева Г. К. Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации, части третьей, разделу VI «Международное частное право». М.: Норма, 2002. 247 с. [Dmitrieva G. K. *Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, part three, section VI "Private International Law"*. Moscow: Norma, 2002, 247. (In Russ.)]
14. *Гражданское и торговое право зарубежных государств*, ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Смоленская обл. тип. им. В. И. Смирнова, 2006. Т. 2. 635 с. [*Civil and commercial law of foreign countries*, eds. Vasiliev E. A., Komarov A. S. 4th ed. Moscow: Smolenskaia obl. tip. im. V. I. Smirnova, 2006, vol. 2, 635. (In Russ.)] EDN: QXDXGN
15. Цвайгерт К., Кётс Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I: Основы. М.: Междунар. отношения, 2000. 480 с. [Zweigert K., Koetz H. *Introduction to comparative law in the field of private law. Vol. I: Fundamentals*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2000, 480. (In Russ.)]
16. Абраменков М. С., Сараев А. Г., Белов В. А. Наследственное право. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 376 с. [Abramenkov M. S., Saraev A. G., Belov V. A. *Inheritance law*. 3rd ed. Moscow: Iurait, 2022, 376. (In Russ.)]
17. Петров Е. Ю. Наследственное право. Лекция для слушателей РШЧП. *Zakon.ru*. 12.12.2019. [Petrov E. Yu. Inheritance law. Lecture for listeners of Russian School of Private Law. *Zakon.ru*, 12 Dec 2019. (In Russ.)] URL: https://zakon.ru/blog/2019/12/12/nasledstvennoe_pravo_lekciya_dlya_slushatelej_rshchp (accessed 10 Oct 2022).
18. Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» в политике Российской империи: 1900 – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. 504 с. [Andreeva N. S. "*Ostsee question*" in the policy of the Russian Empire: 1900 – Feb 1917. Dr. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2010, 504. (In Russ.)] EDN: QFFICX
19. Блинков О. Е. Общие тенденции развития наследственного права государств – участников Содружества Независимых Государств и Балтии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 451 с. [Blinkov O. E. *General trends in the development of the inheritance law of the member states of the Commonwealth of Independent States and the Baltic States*. Dr. Law Sci. Diss. Moscow, 2009, 451. (In Russ.)] EDN: QEWANT
20. Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат. М.: Юрид. изд-во, 1946. 78 с. [Antimonov B., Gerzon S., Shlifer B. *Inheritance and notaries*. Moscow: Iurid. izd-vo, 1946, 78. (In Russ.)]
21. Серебровский В. И. Наследование по закону и завещанию. *Социалистическая законность*. 1945. № 5. С. 14–19. [Serebrovskii V. I. Inheritance by law and testament. *Sotsialisticheskaia zakonnost*, 1945, (5): 14–19. (In Russ.)]
22. Шилохвост О. Ю. Наследование по закону в российском гражданском праве. М.: Норма, 2006. 271 с. [Shilokhvost O. Yu. *Inheritance by law in Russian civil law*. Moscow: Norma, 2006, 271. (In Russ.)] EDN: PEZLUR
23. Паничкин В. Б. Наследование по закону по американскому и российскому праву (сравнительный анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 246 с. [Panichkin V. B. *Inheritance by law under American and Russian law (comparative analysis)*. Cand. Law Sci. Diss. Moscow, 2011, 246. (In Russ.)] EDN: QFHCFТ
24. Всеобщая история государства и права, ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2002. 640 с. [*General history of state and law*, ed. Tomsinov V. A. Moscow: Zertsalo-M, 2002, 640. (In Russ.)]